

РАССКАЗЫ К. А. СКУЙЕ
О ЛАТЫШСКИХ КРЕСТЬЯНАХ
ДЛЯ РУССКОГО ЮНОШЕСТВА (1890-е гг.)

ЕВГЕНИЯ НАЗАРОВА

Герой настоящей статьи — этнический латыш Карл Александр Скуйе, учитель немецкого языка в средних учебных заведениях Москвы во второй половине XIX в. Латышей, работавших в то время учителями в российских столицах и других крупных городах за пределом Прибалтийского края, было немало. Некоторые из них писали художественные и научно-популярные произведения для юношества — о России, русском народе, других странах и народах. Но большинство таких сочинений, написанных по-латышски, предназначались для латышей. Скуйе — единственный автор, познакомивший русскую молодежь с жизнью латышей¹.

По тому, как сын латышского крестьянина Карл Скуйе пробивался в жизни — от бедного крестьянского мальчика до российского чиновника, выслужившего личное дворянство — он не отличался от многих других латышей-интеллигентов в первом поколении. Он вырос в семье крестьянина-арендатора в пасторате Сиссегалл (Сиссегале, совр. Мадлиена в Видземе). Смышленный мальчик был принят в бездетной семье местного пастора, познакомился там с немецкой культурой — литературой и музыкой, хорошо выучил немецкий язык. Скуйе сумел окончить гимназию и Коммерческое отделение Рижского политехникума, работал бухгалтером на предприятии под Петербургом, затем сдал экзамен на право преподавать немецкий язык в учебных заведениях, получил место в Москве, где и работал учителем до конца жизни. Он упомянут в изданном

¹ Единственное упоминание о К. Скуйе в историографии см.: [Назарова 2009: 186–191].

в 1909 г. списке латышей, закончивших высшие учебные заведения [Latvieši: 90]. Год рождения его не указан, однако если в политехникум он поступил в 1869 г., то родился примерно на рубеже 1840–50-х гг.

В отличие от многих московских латышей-интеллигентов, он не был связан со здешней латышской общиной. Во всяком случае, пока не найдены подтверждения участия Скуйе в ее мероприятиях.

Сведения о Скуйе сохранились также в юбилейном издании к 50-летию 4-й Московской гимназии [Гимназия: 217] и в его собственных печатных трудах. Из юбилейного издания становится ясно, что учитель Карл Скуйе и автор рассказов Александр Скуйе — один и тот же человек. Как учитель он составил учебное пособие — «Сборник статей для перевода с русского языка на немецкий для 1–6 классов гимназии». Впервые оно было издано в самом начале 1890-х гг. и выдержало, по крайней мере, 10 переизданий, что указывает на качество и востребованность этой работы [Скуйе 1891]. Это же пособие было переработано им для обучения французскому языку [Скуйе 1896]. Учителя использовали пособие Скуйе и для преподавания английского языка [Назарова 2009: 188]. Учебные тексты в пособиях представляли собой завершенные рассказы на разные темы. Пособие напоминает книгу для чтения, по которой учились дети в латышских народных школах. Из них же дети получали сведения о мире, людях, разных науках.

Под именем *Александр Скуйе* он издал в 1897 г. сборник рассказов для русского юношества «Рай земной». Ему принадлежит также драма «Два друга или любовь и дружба» в 2-х действиях (1899). Предоставим литературным критикам судить о художественных качествах этих произведений. Заметим лишь, что читать их достаточно интересно, язык простой, но образный.

На социально-политические ориентиры Скуйе повлияло то, что в детские годы он постоянно находился между крестьянами и пасторским домом. Знания, полученные в общении с пастором и его супругой, выделили его из крестьянской среды.

Пастор, заметив его любовь к музыке, стал обучать мальчика игре на рояле. Скуйе писал:

... старый пастор имел влияние и на мое научное образование и мое развитие вообще, <...> почти исключительно ему я обязан, что с раннего детства я познакомился с чудным волшебным миром произведений великих немецких композиторов [Скуйе 1897: «Сиссегалл», 41–42].

Супруги много путешествовали по Европе и делились впечатлениями об увиденном [Там же: 45–46].

От пастора он усвоил общехристианские истины, которые толковал в основном в духе раннепротестантских представлений. Бог в его понимании — «есть любовь ко всему живому», совесть, мораль. Изгнание первых людей из Рая (что казалось наказанием для человека) «вечный Бог любви превратил в благословение, <...> дал людям возможность вернуть потерянный рай. И этот рай мы можем создать: 1) работою; 2) любовью к ближнему, делая других счастливыми; 3) умом; 4) фантазиею» [Там же: «Рай», 5]. Богат и счастлив тот человек, «который в состоянии создать в себе внутренний мир» [Там же: «Уединение», 85]. «Человек смертен, но душа его бессмертна; ум его различает зло от добра, дурное из хорошего, он в состоянии восхищаться и удивляться величию Бога. И это доказательство бессмертия души» [Там же: 87].

Пасторша научила крестьянского мальчика хорошим манерам; он общался и с частыми гостями в доме пастора [Там же: «Сиссегалл», 44]. Вместе с тем Скуйе, очевидно, всегда чувствовал, что является не родным ребенком в этой семье, и знал, что называется, **свое место**. Он оставался мальчиком из «довольно ветхого» флигеля, который «назывался низом для различия от господского дома, обитаемого пастором, который назывался “верхом”» [Там же: 35]. Хотя пастор всегда помогал своим прихожанам, это не избавляло их от высокой арендной платы, обработок и прочих повинностей в пользу поместья:

Отношения пастора к моим родителям были довольно хороши. Порою пастор, однако, был раздражителен и несправедлив, и, желая получить побольше дохода с имения, часто увеличивал

арендную плату. Моим родителям приходилось много трудиться; они работали с раннего утра до поздней ночи, чтобы только свести концы с концами. Что оставалось, то родители употребляли на воспитание своих детей, — о больших сбережениях, конечно, и речи быть не могло [Скуйе 1897: «Сиссегалл», 48].

При сравнении разных рассказов создается впечатление, что Скуйе всю жизнь стремился достичь такого же материального и социального положения, что и пасторская семья. В рассказе о своем детстве он подробно описывает дом пастора: количество комнат, кабинет пастора, обстановку, вид из окон на парк и т.п. — то, что казалось ему тогда недостижимым благополучием [Там же: 43]. В рассказе «Моя квартира» он сообщает такие же сведения о своей квартире в Москве, где живет с семьей: в каменном доме на 3-м этаже, на высоком берегу р. Москвы при впадении в нее Яузы. Эта «скромная квартира» состоит из 7 комнат. У него есть собственный кабинет, из окон открывается прекрасный вид на Замоскворечье, на Царицынский лес. Видны также Кремль и Воробьевы горы. Кроме жены, хозяйством занимаются служанки [Там же: 57–63]. Неизвестны национальность и социальное происхождение супруги Скуйе, что помогло бы прояснить основу его материального благосостояния во время жизни в Москве. Сам Скуйе к 1899 г. дослужился уже до статского советника. Другие его соотечественники в Москве, имевшие такой же чин, не бедствовали, но и к зажиточным гражданам отнести их было бы сложно, а Скуйе жил в собственном доме [Вся Москва: 450]. Если учесть, что дом пастора не был собственностью священнослужителя, то Скуйе в этом плане даже превзошел его.

Лидерам латышского национального возрождения, например, Кришьянису Валдемарсу, приходилось общаться с высшими должностными лицами государства, а также с членами императорской семьи [Назарова 2006: 57, 67; Воронин 2006: 51–54; Sarakste: № 106]. Но общение было исключительно деловым, касавшимся развития флота, народного образования и т.п. Скуйе же отважился на весьма необычный поступок, в котором нашли отражение и глубокое уважение к членам царской семьи, и высокая самооценка, и характерное для ран-

него протестантства чувство равенства всех людей. В декабре 1897 г. он отправил сборник своих рассказов в подарок императрице Александре Федоровне. На книге он сделал надпись по-немецки, поздравляя с Рождеством «её Величество, нашу всемилостивейшую Императрицу и Госпожу, нашу возлюбленную Мать страны» от «верноподданнейшего автора А. Скуйе». Он желал, чтобы Господь был «к ней благосклонен», дарил ей покой². Такой шаг был необычен даже для представителей более высокой социальной страты. Вероятно, на Скуйе с его жизненными приоритетами немалое впечатление произвели известия об искренней любви между Николаем II и его супругой, не слишком часто встречающейся при династических браках.

Итак, Скуйе — человек, уже не принадлежащий по своему социальному статусу к крестьянскому сословию, но хорошо помнивший свои корни. Он считает необходимым прививать молодежи уважительное отношение к крестьянам независимо от их этнического происхождения. В тексте для перевода «Жизнь крестьянина» из пособия Скуйе рассказывается о молодых крестьянах из ближних к Москве деревень, занимающихся зимой отхожими промыслами, чтобы прокормить свои семьи. Перечисляются их занятия в городе — ремесла (в том числе и требующие большого искусства), работа на фабриках, извоз. В том, как написан этот небольшой рассказ, чувствуется теплота и уважение к людям труда: среди крестьян есть искусные ремесленники, создающие «в высшей степени тонкие произведения: шляпы и сапоги, материи и платки и проч.; все это продают фабриканты с большой выгодой» [Скуйе 1891: 24].

Лифляндия, Сиссегалл (Сиссегале) — «дорогая родина» Скуйе, «возлюбленный, прекрасный край» [Скуйе 1897: «Сиссегалл», 39]. Но сам он себя ощущает европейцем, по крайней мере, по интересам, культуре, кругозору. В сборник рассказов включена модная в последней четверти XIX в. и в Европе, и в России анкета с вопросами, на которые следовало дать честные или, по крайней мере, оригинальные ответы — об интере-

² Книга с посвящением хранится в РГБ в Москве.

сах, взглядах на жизнь, морально-этических представлениях, образовании и т.п. Знаменателен ответ Скуйе на вопрос о родном языке: «Родной язык. Русский, немецкий, французский, английский, латышский. Язык сердца» [Скуйе 1897: «Вопросы и ответы», 78–79]. Если язык — один из важнейших признаков национальной принадлежности, то Скуйе и по этому признаку — человек вне этнической и вне национальной принадлежности. Эти ощущения, а также его собственный морально-этический кодекс, давали ему внутреннюю свободу.

С таких позиций он описывает свой родной край и его обитателей. Воспоминания Скуйе относятся примерно к 1860-м гг. Он сам отмечает, что прошло уже 25 лет с тех пор, как он покинул Лифляндию [Там же: «Сиссегалл», 51]. Желание написать рассказы о своем детстве могло возникнуть у автора, перешедшего 50-летний жизненный рубеж. В таком возрасте люди часто начинают подводить итоги, вспоминать детство, родные края. Не удивительно и то, что в рассказах отчетливо слышатся романтически-ностальгические нотки, хотя при этом автор старается в оценках быть объективным.

Красочно описание природы Сиссегале и окрестностей: «Сиссегалл раскинут на двух холмах, между которыми среди лугов течет речка Сиссе» [Там же: 35]. Подробно описывает Скуйе парк пастората, ухоженный по всем правилам высшего садово-паркового искусства. Он не пишет, кто именно ухаживал за садом — латышские крестьяне или же штат немцев-садовников, но показывает, что вся эта красота есть сочетание дара природы с огромным и постоянным трудом тех, кто эту красоту сохраняет и облагораживает. Для Скуйе и парк, и дом, и церковь на территории пастората, и дом арендатора, и сиссегальские крестьяне — и есть его малая родина. Пастор Шель и его супруга — часть этого антуража, причем часть временная — пока жив пастор (имение находилось в его пожизненном владении). О них рассказывается после описания природы и архитектуры. Но по своему восприятию духовной культуры чета Шелей гармонично вписывалась в красоту природы, дополняла ее прекрасной музыкой, особенно сонатами Бетховена.

Еще одна сторона латышского мира Сиссегале, которую описывает Скуйе, — конфирмация молодых людей — праздник, в котором принимали участие все жители округа. Приход был большой: 8 имений и больше 200 крестьянских усадеб. Среди прихожан встречались и немцы, но их было гораздо меньше, чем латышей, поэтому и конфирмация немцев не отличалась особой торжественностью. Конфирмации латышей и немцев происходили в разное время. В понедельник на 5-й неделе Великого поста (в один год латышские юноши, в другой — девушки), обыкновенно человек сто, собирались в громадном зале арендаторского флигеля, принося с собой провизии на две недели. В течение этого времени молодые люди под руководством пастора изучали «сущность христианской веры», выучивали лютеранский катехизис, нужные места из посланий св. Петра, церковные гимны. Сама конфирмация латышей всегда происходила в Вербное воскресенье. Молодые люди выстраивались на дворе по два в ряд, потом двигались длинной вереницей по аллее, по мосту через реку Сиссе, затем в гору к церкви, где их ждали родители. В церковь входили под всеобщее пение, сопровождаемое игрой на органе и звоном колокола [Скуйе 1897: «Сиссегалл», 46–47].

После знакомства с природой Сиссегале в описании Скуйе читатели воспринимали как само собой разумеющийся тот факт, что оттуда родом был выдающийся латышский художник К. Ф. Гун или Карлис Хунс, профессор исторической живописи Петербургской императорской Академии Художеств. Талант молодого человека заметил известный русский естествоиспытатель и путешественник профессор А. Ф. Миддендорф. Проезжая как-то через Сиссегале, он обратил внимание на рисунки на стенах местной школы, расспросил об их авторе, а затем объяснил отцу юного художника, что такой талант надо развивать и пообещал помочь поступить в Академию Художеств в Петербурге. Это и решило судьбу Карла Гуна.

Но рассказ Скуйе посвящен не сыну — он лично его, скорее всего, не знал, — а его отцу — «неугомонному старику», который все умел и даже в весьма преклонном возрасте никогда не сидел без дела. Фридрих Гун — одна из личностей, ко-

торые повлияли на формирование характера Скуйе. 50 лет он служил органистом в Сиссегальской церкви и учил детей в местной приходской школе. Одновременно он занимался изготовлением и настройкой органов, починкой часов, работал краснодеревщиком, имел свою мастерскую. Он сумел нажить себе маленькое состояние, но при этом всегда оставался человеком своей среды. В разговоре у Гуна «всегда проглядывал неподдельный юмор, и все рассказанное им имело какой-то особенный отпечаток правдивости и искренности, простоты и веселости». В такой обстановке воспитывалось четверо детей старого Гуна [Скуйе 1897: «Фридрих Гун», 52–56].

Если Фридрих Гун — представитель немногочисленной сельской интеллигенции, то старший Скуйе — крестьянин-арендатор, представитель крестьянской «аристократии», который должен был, тем не менее, работать «с раннего утра до позднего вечера». Так как очень много средств уходило на арендную плату и воспитание детей, «о больших сбережениях <...> и речи быть не могло». Отец был «очень деятельный трудолюбивый человек и опытный сельский хозяин». Он «распоряжался сам: и домом, и скотным двором, и полевыми работами». Отца уважали и работники, и соседи, и знакомые. Он обладал хорошими знаниями в агрономии, в ветеринарии. Соседи-крестьяне получали от него много полезных советов по ведению хозяйства, но никогда, ни от кого он «не принимал за это платы». В хозяйстве арендатора, по крайней мере, в страду, были наемные работники, но члены семьи трудились наравне с ними. С работниками отец обращался гуманно, чем добивался того, что они исполняли работу добросовестно [Там же: «Сиссегалл», 46–47].

Отец мог со временем поменять арендодателя, найти поместье с меньшей арендной платой. Но он за 30 лет так привязался к Сиссегале, что решил остаться, в том числе и в благодарность за ту помощь, которую пастор оказал его сыну.

Скуйе подчеркивает, что женщины в страду также были заняты на сельскохозяйственных работах, на них лежали и все обязанности по дому. Многие из них были грамотными, например, мать, сестры, бабушка Скуйе. Бабушка тоже жила

в доме арендатора, хотя и отдельно от семьи дочери, вместе со своей подругой. А вот подруга была неграмотной. Старушки тоже не сидели без дела: шили, вязали, щипали перья и т.п. [Скуйе 1897: «Две подруги», 64–68].

Подробно описывает автор рабочий ритм латышских крестьян. Обычно вставали в 3 или 4 часа утра, летом, особенно в сенокос, даже в два часа. Чтобы легче было работать, люди обычно пели или беседовали, но на качестве труда это не сказывалось. Еда была самая простая: хлеб, молоко, ячменная каша, картофель, горох. В воскресенье не работали, вставали позже, ходили в церковь к обедне, гуляли, ходили в гости [Там же: «Сиссегалл», 48–50].

Рассказы о конкретных людях дополняются общими характеристиками народа: «Латыши очень трудолюбивый народ, они обладают большою веселостью и очень любят музыку» [Там же: 48]. Обобщение о народе сделано у Скуйе по канонам педагогической науки — если забудется деталь, в памяти останется общее представление:

Да благословит Господь мой край родной. Балтийский край! Да благословит Господь латышей, этот добрый народ. Этих прилежных тружеников! <...> Да распространится на них истинное просвещение и высокая гуманность. Латыши много терпели. <...> Пусть они продолжают неутомимо трудиться, создавая себе благосостояние, пусть они пользуются плодами цивилизации и просвещения на благо себе и родному краю [Там же: 51].

Таким образом, несмотря на определенную долю сентиментальности, воспоминания Скуйе — отнюдь не пасторальные картинки. Полупатриархальные отношения между состоятельными латышами (ремесленниками, сельскими хозяевами) и их наемными работниками — не преломление в желаемом виде картин детства. Такие отношения между хозяевами и работниками в конце XIX в. известны по историческим источникам; они описываются и в произведениях латышских писателей. Это понятно, ибо в прибалтийской деревне сохраняется национально-социальное противостояние: латыши (или эстонцы) vs. помещики-немцы. Такое противостояние проходит и через рассказы Скуйе. В пожеланиях латышам он пишет: «Пусть же

и у них после мрака ночи, после притеснений, несправедливости и насилий со стороны помещиков настанут светлые дни долгого мирного счастья!» [Скуйе 1897: «Сиссегалл», 51].

Социальное неравенство отражено и в описаниях разных частей сельского кладбища. В одной его части, по внешнему виду похожей на городское кладбище, «похоронены более зажиточные люди, из т.н. лучшего общества. Другая часть кладбища великолепных памятников не имеет. <...> Это крестьянское кладбище для более бедного, деревенского населения. Как видите, и здесь еще, на поле смерти, деление на касты!» [Там же: «Два кладбища», 58–59]. Правда, прямого отождествления немцев с помещиками автор не проводит. К тому же, справедливости ради, Скуйе в некоторых случаях рассказывает и о благих делах помещиков для крестьян. Однако он считает, что в отношениях между крестьянами и помещиками должны произойти изменения. Но к переменам приведут, с его точки зрения, не насильственные действия, а следование идее христианского равенства. Скуйе надеется на осознанное понимание представителями «высшей касты», что «мы все братья, <...> все должны предстать перед Судьей над мертвыми, <...> который не делает различия между богатыми и бедными, между знатными и незнатными. Тогда люди стали бы лучше, благороднее, справедливее» [Там же: 59]. При этом защитником латышей, в понимании Скуйе, является «русский царь» как представитель «нашего общего дорогого отечества — великой России». Верность русскому Царю — «залог счастья» латышей [Там же: «Сиссегалл», 51].

Заметим, что книга Скуйе вышла в свет в годы проводимой имперскими властями на национальных окраинах политики русификации. Латышская интеллигенция прилагала усилия, чтобы сохранить латышский язык, в первую очередь, письменный, национальную литературу и в конечном итоге — сохранить латышей как нацию, а не как этнографический реликт, к чему могла привести подобная политика. Кроме того, в Латвии в конце 1890-х гг. нарастает социал-демократическое движение с его программой борьбы с царизмом. Но Скуйе — не общественный деятель и не революционер, он пишет, как чув-

ствуется, руководствуясь христианской моралью. Да и идеи социал-демократов распространяются пока в Риге и других промышленных городах, а до латвийской деревни еще не дошли. К тому же, судя по воспоминаниям Скуйе, он давно не был на родине, помнит ее такой, какой видел 25 лет назад и ранее. Было бы странно искать в его рассказах, тем более в книге для юношества, отзвуки исторических и политических изменений. Тем не менее, сама идея рассказать русским детям о латышах и тем самым показать, что в России живут разные народы со своими языками и культурой, была в основе своей антирусификаторской.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронин 2006: *Воронин В. Е.* Великий князь Константин Николаевич, К. Валдемарс и подготовка реформы отмены рекрутчины в Морском ведомстве России на рубеже 50–60-х гг. XIX в. // Россия и Балтия. М., 2006. Вып. 4.
- Вся Москва: Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 год. М., 1917. Ч. 2.
- Гимназия: 50-летие Московской 4-й гимназии. 1849–1899. М., 1899.
- Назарова 2006: *Назарова Е. Л.* Словари Кришьяниса Валдемарса // Россия и Балтия. М., 2006. Вып. 4: Человек в истории.
- Назарова 2009: *Назарова Е. Л.* Латышские педагоги в России // Интеллигенция в многонациональной империи. М., 2009.
- Скуйе 1891: *Скуйе Карл.* Сборник статей для перевода с русского на немецкий. 1-е изд. М., 1891.
- Скуйе 1896: *Скуйе Карл.* Сборник статей для перевода с русского на французский. 1-е изд. М., 1896.
- Скуйе 1897: *Скуйе Александр.* Рай земной. Очерки и рассказы для юношества. М., 1897.
- Latvieši: Latvieši un latvietes Krievijas augstskolās. Jelgava, 1909.
- Sarakste: Krišjānis Valdemārs. Lietišķā un privatā sarakste. 1. sēj. Rīga, 1997.